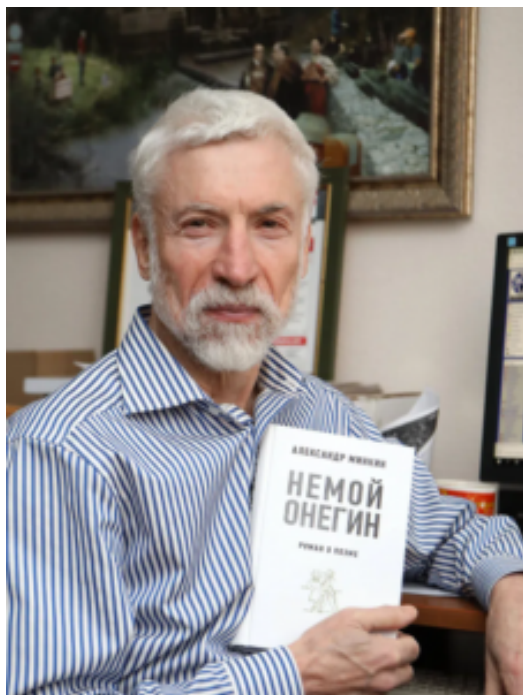

Чем, по Минкину, чтение отличается от чтения

Минкин – нечастый случай журналиста и писателя, чье человеческое измерение совершенно равно авторскому. В статьях, книгах, блогах – это такой же лихорадочный (чтоб не сказать заполошный), ядовитый, обидчивый, страстный, дотошный (чтоб не сказать маниакальный) исследователь и следователь, что и в своих жизненных проявлениях. Этой личной заинтересованностью, кровной горячностью прежде всего отличается его книга «Немой Онегин. Роман о поэме» («Проспект», 2021) от грандиозной пирамиды пушкинистики, в которой, безусловно, заключено немало сокровищ. Но не только этим.

«Немой Онегин» полноправно продолжает традицию филологического романа Тынянова, Шкловского, Синявского, Сарнова, Битова (который, кстати, Минкина заметил и, в гроб сходя, благословил).

«Роман о поэме», как назвал книгу автор, – именно роман. Со своим острым, отчасти детективным сюжетом, с плотскими, телесными, сильно чувствующими героями, с драмами страстей... В нем много боли и много юмора. В нем много Пушкина, про которого современный исследователь, писатель, критик знает и, что важно, понимает столько, сколько может знать и понять про своего героя человек, родившийся спустя 110 лет после его смерти.

Александр Минкин использует самую, как мне кажется,

продуктивную систему координат. Он – первооткрыватель. Исходит из того, что никакого пушкиноведения не существует. Это не значит, что автор не читал предшественников. Читал, и очень много, и очень, очень внимательно, в четыре глаза, что называется. Что и дало ему право вступить «на новенького».

«Немой Онегин»! – пишет он в предисловии. – Как молчаливый. И как непрочитанный, зашифрованный, написанный на утраченном языке». Роман Минкина о поэме Пушкина замечателен именно абсолютной свежестью прочтения, прочтения как перевода. С утраченного языка. Все знают, что как раз Пушкин и дал русской литературе тот русский язык, на котором мы до сих пор пишем и говорим. Язык «Онегина» утрачен не в лингвистическом, а в понятийном смысле. Множество строф и целые главы поэмы поняты – даже искушенными читателями, даже филологами, даже пушкинистами – превратно или вовсе не поняты. Ну, скажем так, – недопоняты, чтобы в нас с Александром (Минкиным) не летели сразу помидоры.

...Если исполнить указание Пушкина – взять роман Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», – то в главе XII читаем: «Евгений увидел, что друг его умирает, убитый горем: он пожал ему руку – и тихонько вышел из комнаты весь в слезах. Йорик проводил Евгения глазами до двери, потом их закрыл – и больше уже не открывал. Он покоится... под мраморной плитой, которую друг его Евгений водрузил на могиле, сделав на ней надпись всего из трех слов: «УВЫ, БЕДНЫЙ ЙОРИК!»

Вот откуда имя Онегина и, в некотором смысле, характер... «Чтение», в отличие от чтения, процесс почти энтомологический. (Кстати, Минкин по одному из образований – биолог.) Но даже у известного энтомолога Набокова мы не найдем ни ссылок на обожаемого Пушкиным Стерна, ни версий об имени Евгения. Да и зачем нам Стерн – что мы, «Гамлета» не читали? А Минкин мышкует галсами, уткнувшись носом, бегаёт по полю поэмы, как спаниель, буквально вынюхивает каждую мелочь, которая прольёт на текст «Онегина» новый свет. Чтение практикуют дети и охотники, для которых охота пуце неволи.

Многие писали о том, что «Евгений Онегин» – произведение постмодернистское. Но никто никогда не указал мне на вступление к поэме, которое Пушкин воткнул в финал VII главы! Минкин вынюхал и это – вместе с отсылкой опять же к Стерну, который вступление к роману поместил аж в XX главу III тома!

Ни один пушкиновед не обратил наше внимание на то, например, что Онегин – великий молчальник, на всю поэму едва ли наберется полтора десятка фраз, произнесенных героем. Минкин не поленился. Еще и поэтому его Онегин – немой. Из таких открытий состоит почти вся книга. Их десятки, может быть, и сотни. Это работа старателя.

Да, 500-страничная книга изобилует повторами и излишними аргументами: автор умирает от желания донести свои открытия, все объяснить всем, даже совсем «не созданным для блаженства» восприятия великих произведений. С упоением он и два, и три раза на разных страницах и в разных главах повторяет гениальные строфы. Это подробное препарирование текста, многократное возвращение к цитатам всякий раз под новым углом создает почти театральную полифонию, объем сцены, где на разные голоса с нами говорит пушкинская эпоха, его окружение и сам Александр Пушкин, о котором нам вдалбливали сто лет, что он – альтер эго Онегина, а тот в свою очередь – лишний человек.

По второму образованию Минкин – театровед. В «романе о поэме» несколько глав посвящены театральным постановкам «Евгения Онегина» и некоторым другим пушкинским вещам. Как бы небольшая книга в книге. Опираясь на театр, автор пытается разобраться в драматургии отношений Пушкина с Онегиным и героев друг с другом. И приходит к выводу, что заглавный герой – вообще кукла, огромная пустота, придуманная молодым еще поэтом для отвода глаз. («Уж не пародия ли он?») А написана Пушкиным поэма – о себе. Не в том, переносном, смысле, что «Эмма – это я». А буквально. Написано черным по белому, по-русски. От первого лица. Не Онегин, а Пушкин читает книги, ездит по балам и театрам, возбуждает эпиграммами улыбки дам, развратничает,

наставляет рога приятелям, пьет «стаканом красное вино» и копается в своей душе, по сравнению с которой душа Онегина мелка и плоска, как тазик для бритья. «Лишнего человека» придумала разночинная критика, и пошел он бродить по учебникам и диссертациям, смущая юные умы, как еще одно проклятье русской классической литературы – так называемый маленький человек.

Минкин фехтует с Набоковым, Лотманом, Белинским, доказывая с текстом в руках, какая путаница преследует читателей из поколения в поколение. Никакого трепета и страха авторитетов. Полное (и справедливое) сознание того, что перед лицом Пушкина все равны. Все – одинаково читатели. Кто-то читает бегло, кто-то внимательно, а кто-то пропальвает и просеивает почву вокруг каждого слова, как делает фанатичный огородник и ловец букв Минкин.

Его выпады против прославленных и гениальных комментаторов могут шокировать. Надо вдуматься в текст автора и в огромное количество текстов, которые он тасует в своей книге (писем, дневников, воспоминаний). Среди которых есть замечательная цитата не пушкинского, а нашего современника – Альфреда Шнитке: «Конфликтующие душевные миры примиряются под лучами этого нравственного солнца».

Молодой Пушкин не был образцом морали, был он гуляка и повеса. Но почему издатели получали от него главы «Онегина» в час по чайной ложке в течение восьми лет? Минкин и на это отвечает. Потому что в тексте зашифрована (он показывает) целая россыпь «компромата» на живых людей, которых могли узнать. 24–25-летний автор заботится о чести друзей и женщин, дает отношениям остыть, а произведению отлежаться. Сидел без денег, но не печатал очевидный бестселлер, потому что – не *comme il faut*. А сейчас – кого это заботит?..

Александр Минкин тоже – по странному совпадению – писал свою книгу восемь лет.

В наше время, когда не то что Пушкина или вообще стихов, просто печатного текста больше ста страниц многие одолеть не в состоянии, – восемь лет писать такую книгу (не о себе, не о

придуманном герое, не о приключениях и не о пути России), написать такой филологический роман – настоящее монашеское послушание. Подвиг самоотречения. Дмитрий Быков: «Мне жаль, что современность вечно отвлекала его <Минкина> от того, чем он рожден заниматься. От театра, филологии, анализа главных русских текстов».

«Евгений Онегин» – да, главный русский текст, так как в нем главный русский Автор сказал о себе больше, чем где бы то ни было. В сущности, почти всё. Роман Александра Минкина ведет по этой ветвистой «рукописи, найденной в Сарагоссе», возвращая читателю XXI века головокружительную радость ЧИТАНИЯ.

Алла Босарт